

Фото Анастасии Галабурды

Алексей Махнач

руководитель Академического департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ, кандидат исторических наук, доцент. Сфера исследовательских интересов – проблемы гуманитарного образования.

Феномен *genius loci* в гуманитарном образовании

Алексей Махнач

The Phenomenon of Genius Loci in Liberal Arts Education

Знаешь, я думал, что вернусь с откровениями о Боттичелли или о Микеланджело.

А я привезу с собой только весть – о себе самом, и это хорошие новости.

Райнер Мария Рильке, ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ДНЕВНИК

The article of the Head of EHU's Department of Humanities and Arts Aliaksei Makhnach, explores the problem of liberal arts education in a world threatened by a global catastrophe. To reproduce one of the foundations of Europeanness – the European intellectual tradition – it is proposed to turn to the phenomenon of *genius loci* – the spirit of the place, concentrating creative energy in itself and pushing a person to an important dialogue with themselves, aiming at bringing into line with the creative tradition and becoming its continuation. The article is illustrated with examples of EHU students' works on the *genius loci* of Florence.

Кризис европейской традиции

Ханна Арендт начинает свой сборник эссе *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли с афоризма французского поэта и писателя Рене Шара «Наше наследство досталось нам без завещания»* [1, 9]. Она обращает внимание на то, что европейская традиция практически утратила энергию связующего звена между прошлым и будущим. Обветшание традиции ставит под сомнение возможность будущего как такового. По мнению Арендт, ответственным за традицию является «Он» из одноименной притчи Франца Кафки [1, 15]. Но ведь и «Он» достался самому себе без завещания, без сообщения о том, что должно принадлежать ему по праву и что имеет для него ценность. Единственной надеждой прояснить завещание является прошлое, обратиться к которому не представляется возможным ввиду «неисправности» человеческого ума [1, 17].

Это дефект, позволяющий пренебречь прошлым, проигнорировать его в ситуации поиска решений проблем настоящего.

Для преодоления «неисправности» «Он» должен обратиться к прошлому, обнаружить традицию и попытаться понять роль, отведенную в ней ему самому. Однако кафкианский «Он» находится в ситуации стояния перед «законом» в ожидании того, что ему откроется истина о себе самом. Но и это не просто, ведь основным языком понимания себя в европейской традиции, к которой он принадлежит и в которой скрыты ключевые для него истины, является язык абсурда. Сам Кафка так видит «Его» призвание: «Он живет не ради личной жизни, он мыслит не ради своего личного мышления. У него такое чувство, что он живет и мыслит по принуждению некоей семьи, для которой, хоть она и сама куда как богата силой жизни и мысли, он по какому-то неведомому ему закону представляет формальную необходимость. Из-за этой неведомой семьи и из-за этого неведомого закона его нельзя отпустить» [2].

Возвращение «Ему» его собственной традиции является сегодня одной из самых насущных проблем гуманитарного образования. Традиция – тот самый «закон» Кафки, собирающий на протяжении длительного времени ключевые ценности «семьи», принадлежность к которым настолько исключительна, что «из-за этого неведомого закона его нельзя отпустить». Это то, что необходимо защищать от варваров.

Важным в понимании интеллектуальной традиции является не только преемственность идей и способов их мышления, но и обеспечение непрерывности их исторического наследования. Так, идея Европы, начавшаяся с мифа о Зевсе и похищении дочери финикийского царя, строится сегодня вокруг потенциальной возможности прекращения существования Европы как политического союза. Одним из итогов радикальных политических

трансформаций станет девальвация самой идеи европейской традиции, воплощенной в ее носителях. Возникает вопрос: возможно ли, что традиция, создавшая такие явления, как демократия, христианство, право, гуманизм, перспективу в искусстве и т. д., утратит преемственность, способность к воспроизводству и завершится? В эссе Кризис образования Ханна Арендт подчеркивает, что мир, к которому не проявляют интереса, ветшает и разрушается [3, 284–285]. Утрата поколениями XX–XXI веков способности соотносить себя с традицией, создавшей современный европейский мир, лишь ускорит этот процесс.

Сегодня «европейскость» перестала быть традицией, связывающей рождение Европы с ее дальнейшим существованием. Она стала феноменом по умолчанию, по праву рождения или географической локализации. Варварство, родившееся в Риме как противоположность цивилизации, остается актуальным по сей день. Его содержание как раз и является результатом утраты традиции, приведшей к «неисправности» ума.

Утрата традиции усугубляет ситуацию, в которой «посредственность» становится не исключением, но нормой современного общества. Посредственность – индивидуальный выбор каждого человека. Это не приобретенное увечье, так как дети по своей природе всегда непосредственны. Посредственность – это отказ человека приложить усилие, попытка избежать интеллектуального или эмоционального напряжения, отсутствие стремления к творческой реализации и к развитию воображения. Природа посредственности раскрывается фразой Софокла: «Блаженна жизнь, пока живешь без дум».

Этот диагноз не является чем-то принципиально новым для европейской традиции. Пугать должны масштабы этого феномена и влияние прежде не существовавших технологий. Сегодня приходится констатировать, что попытки Серена Кьеркегора (lazy

mass), Федора Достоевского (всемство), Льва Толстого (Иван Ильич), Мартина Хайдеггера (man), Хосе Ортега-и-Гассета (масса), Роберта Музиля (человек без свойств), Джорджо Агамбена (человек без содержания), Ханны Арендт (банальность зла), Джанни Ваттимо (ослабленное мышление) и Ольги Седаковой (посредственность как социальная опасность) противостоять посредственности не были приняты во внимание. В конечном счете, как пишет Питер Sloterdijk, это привело к тому, что люди «подвергли самих себя домести-кации и направили селекцию на выведение уживчивого домашнего животного в себе самих» [4].

Разумность как потенциальная способность человека не навредить самому себе утратила привлекательность. Она становится востребованной лишь в ситуации переживания текущих катастроф, но уже неспособна удержать от череды предстоящих. При этом, предчувствие катастрофы является неотъемлемой частью европейской традиции, понятной тем, кто высказывается языком творчества. Так, Вальтер Беньямин обнаружил это в творчестве Пауля Клее: «У Клее есть картина под названием *Angelus Novus*. На ней ангел, выглядящий будто собирается удалиться от чего-то, во что он пристально вглядывается. Его глаза вытаращены, рот раскрыт, крылья распахнуты. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Где нам видится цепь событий, там он видит одну единственную катастрофу, которая непрерывно громоздит обломки на обломки и бросает их ему под ноги. Ангел может и хотел бы остаться, разбудить мертвых и восстановить разрушенное. Но из рая дует ураганный ветер, который поймал его крылья с такой силой, что ангел уже не может их сложить. Этот ураган неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним растет в небо. Этот ураган и есть то, что мы называем историей» [11].

Пауль Клее, «*Angelus Novus*» (1920)

Сила (craft) традиции и дух места

Встреча с традицией является одним из способов реанимации «посредственного человека». Она приводит к такой степени индивидуального переживания, которая порождает множество вопросов, адресуемых человеком самому себе. Способность начать разговор с самим собой в ситуации интенсивной событийности и информационного шума, когда на это практически нет времени, является крайне важной для того знания о себе, которое следует называть гуманитарным. Эта встреча дает надежду на смирение в смысле глубокого понимания собственного несоответствия как самой традиции, так и созданному ей миру, и, как следствие, побуждает к индивидуальным усилиям, чтобы это изменить.

Интеллектуальная традиция должна рассматриваться не просто как набор идей, а как способ их выражения в конкретных языках (науки и искусства), в судьбах творцов и исторических контекстах, в которых они продуктивно воспроизводились. Изучение интеллектуальной традиции неразрывно связано с историей формальных и неформальных интеллектуальных сообществ разных масштабов и конфигураций, реализовавших себя как на локальном, так и на глобальном уровне. Иными словами, традиция невозможна без людей – ее носителей. Повторюсь, речь не о процессах по умолчанию, а о чрезвычайных индивидуальных усилиях, направленных на то, чтобы продолжить традицию и стать ее частью.

Однако попытка встретиться с традицией через текст обречена и по причине утраты способности к чтению как к «герменевтической осторожности», и ввиду ничем не ограниченного интеллектуального «сэконд хэнда». Достаточно вспомнить идею Платона о природе текста, который после написания становится «мертвым», проигрывая живому общению.

Напротив, крайне любопытен потенциал места и его способность к взаимодействию с человеком. Речь идет о таких местах, где встреча с *genius loci* становится настоящим событием. О местах, собирающих огромное количество людей в поиске истины, в первую очередь, о самих себе. Одной из важных особенностей этого феномена является способность сохранять положенное в его основу начало. Значение греческого ἀρχή как начала предполагает мощную энергию, способную противостоять времени и преодолевать его. «Архаика» того или иного места свидетельствует о его способности не просто защитить то, с чего все началось, но и генерировать смыслы для его сохранения.

При этом сам термин *genius*, как производное от латинского «gigno» (рождать) и «genere» (производить, порождать), указывает на способность «locus» (места) создавать нечто принципиально новое. В первую очередь, речь идет о том, чтобы это новое соотносилось с местом, становилось продолжением традиции, определяющей само место и способной удивлять. Во вторую, о носителях традиции, которые смогли ее понять и продолжить, осознавая ее место в предстоящем будущем. В третью, о наследии места, в котором воплощена его традиция и которое распознано наследниками как завещание. Получается, что *genius loci* представляет собой замкнутый круг: heritage – tradition – humanities. Взятый сам по себе, каждый из названных элементов становится безжизненным, утрачивает ключевое содержание.

Еще одним важным обстоятельством является то, что нас интересует не просто *genius loci* какого-то конкретного города, но Европы как места, являющегося суммой проявления творческой энергии отдельных европейских городов в особые периоды истории, требовавшие поисков рациональности, необходимой для нахождения решений, уводящих нас от края пропасти. Столетие назад Лев Шестов видел эту рациональность в начале самой

Европы как суммы мудрости эллинских Афин и христианства библейского Иерусалима. Третьим компонентом, несомненно, является право античного Рима. Эпоха Возрождения, в свою очередь, является суммой творческой энергии итальянских художников и мыслителей Флоренции и Венеции, подхваченной представителями «Северного возрождения» бельгийского Брюсселя и немецкого Нюрнберга. Эпоха Просвещения обязана своим возникновением интеллектуальным усилиям мыслителей Лондона, Парижа, Берлина и Санкт-Петербурга.

Также чрезвычайно важны люди-творцы, соответствие которых месту, в котором они творили, до сих пор формирует европейскую традицию, которую невозможно себе представить без Афин Перикла, Сократа, Аристофана и Фидия; Рима Гая Юлия Цезаря, Цицерона и Овидия; Иерусалима Христа; Флоренции Данте, Лоренцо Медичи, да Винчи и Микеланджело; Лондона Шекспира; Парижа Робеспьера и Мольера; Петербурга Достоевского и Толстого. Соответствие месту дает возможность быть признанным другими, самому быть гением.

Еще один вопрос касается того, а сохранили ли города ту самую магию и энергию, чтобы трансформировать человека? Какие из существующих сегодня *genii loci* обладают этим потенциалом? В этом смысле важным становится не только погружение в место, но и погружение в его временные пласты, каждый из которых обладает определенной спецификой. Речь об археологическом погружении, но не только или не столько в материальное пространство, сколько в пространство, в котором случалось максимальное проявление *genius loci*. В таких интеллектуальных «раскопках» можно обнаружить весьма любопытные феномены, которые являются крайне важными для понимания того, что именно из создаваемого сегодня в рамках традиции может стать ориентиром для следующего поколения, заветным наследием.

Genius loci Флоренции – кейс ЕГУ

Способность *genius loci* делать человека другим до сих пор является важной частью европейской цивилизации. Она привела к появлению платоновской академии в Афинах и Риме, университетов в Париже и Болонье. При этом важно понимать, что ни академия, ни университет, взяв на себя ответственность за трансформацию человека, не заменили собой *genius loci*, а просто стали еще одним фрагментом мозаики духа места.

Быть сопричастным европейской интеллектуальной традиции обречен любой университет, но особая ответственность за прояснение термина «европейский» лежит на университетах, включивших это понятие в свое название. Необходимость преодоления длительной интеллектуальной изоляции Беларуси на протяжении десятилетий «железного занавеса» обусловила рискованную идею создания Европейского Гуманитарного Университета, который был основан в 1992 году. Уникальный момент, позволивший по-иному взглянуть на будущее региона, требовал поиска содержательных основ, опираясь на которые была бы возможна трансформация. В той ситуации необходимость принятия европейской интеллектуальной традиции и ценностей европейской культуры как общего цивилизационного пространства, к которому, несомненно, принадлежали и страны Восточной Европы (в том числе Беларусь), была очевидной.

«Европейскость» была не только цивилизационным выбором, но и ориентиром для практических трансформаций, в первую очередь в сфере высшего образования. Появление в Беларуси университета, осмелившегося включить в свое название термин «европейский», было положительно оценено рядом европейских стран, поддержавших его финансово. Усилия заинтересованных сторон были направлены на формирование нового поколения белорусов с иным типом

Пауль Клее, «Человек будущего» (1933)

мышления, способных к адекватным трансформациям общественной жизни и культуры, политики и экономики. В конечном счете речь шла о попытке увести Беларусь от наследия советского тоталитаризма к проекту, который Джордж Сорос называл «открытое общество», основанному на ключевых ценностях, сформированных в рамках европейской традиции. В случае Европейского Гуманитарного Университета, Центрально-Европейского университета и Европейского университета в Санкт-Петербурге основное внимание было сфокусировано не на теоретических поисках «европейскости», а на том, как практически имплементировать ее в образовательное пространство, совершенно чуждое этой инвазии. Ключевым в этом процессе, актуальном по сей день, остается вопрос содержания того образовательного пространства, которое готово сформировать новый образ мышления, обладающий при этом потенциалом практической реализации, готово к тому, чтобы подтолкнуть человека стать автором, творцом в широком смысле этого слова, способным не просто действовать, но делать это на основании творческой мысли. Именно грозящие региону опасности требовали создания гуманитарного пространства, развивающего способность обнаруживать их даже в языке, а также находить практическую возможность для их минимизации.

Однако нежелание прилагать усилия и реанимировать существующие прежде ценности оказалось сильнее. Результатом чужеродности идеи европейского университета по отношению ко всему постсоветскому и постсоциалистическому стало закрытие и перемещение ЕГУ из Минска в Вильнюс, перемещение Центрально-Европейского университета из Будапешта в Вену и лишение лицензии Европейского университета в Санкт-Петербурге. За три десятилетия существования ЕГУ «европейскость» превратилась в крайне токсичный бренд, ассоциирующийся скорее с привязкой к географическим границам Европейского

союза и соответствием требованиям европейского образовательного пространства. Спустя 30 лет после создания университета такая ситуация требует возвращения понятию «европейскость» его изначального содержания.

Попыткой изменить существующее положение дел стала бакалаврская программа «Европейское наследие», на которую была возложена миссия конкретизации изначального содержания университета. Особое внимание при подготовке программы было направлено на то, чтобы максимально быстро «погрузить» студентов в самую европейскую традицию. *Genius loci* рассматривался не просто как защищающий город «дух места», а как способность концентрировать эту традицию. Обращение к феномену таких городов, как Афины, Рим, Иерусалим, Флоренция, Венеция, Лондон, Краков, Вильнюс, Париж, Берлин, Вена или Санкт-Петербург может дать представление о преемственности европейской интеллектуальной традиции и ее творческом потенциале от начала идеи Европы до сегодняшнего дня. Кроме этого, необходимо отметить, что обращение к феномену этих городов дает возможность понимания исторических явлений в конкретных исторических пространствах и с конкретными историческими персонажами.

Самым выдающимся примером такого проявления *genius loci* является Флоренция. Само название города – в переводе с итальянского «цветущая» – говорит о многом. Город является не только примером преемственности европейской интеллектуальной идеи от Античности до эпохи Просвещения, в нем сохранилась способность побуждать к продуктивному переосмыслению европейской традиции. Кроме того, Флоренция является колыбелью философских, художественных и политических идей, которые были ключевыми в формировании западного мира в целом. Еще в 1300 году правящий понтифик Бонифаций VIII посчитал необходимым добавить к четырем элементам земли, воды,

воздуха и огня пятый элемент – флорентийцев, «которые, кажется, правят миром». Без Флоренции немислима сама европейская традиция последних пяти веков. В частности, гуманитарное образование, рожденное в недрах средневековой Флоренции как «*studia humanitas*», сегодня является одним из самых узнаваемых брендов американского образования – «*liberal arts education*».

В конкуренции Флоренции со всем миром рождался ее *genius loci*. Это требовало не просто воображения, но и определенной храбрости. Примером может служить собор Санта-Мария дель Фьоре, который задумывался так, «чтобы предприимчивость и мощь человеческая не могли никогда ни задумать, ни осуществить ничего более обширного и прекрасного» [5, 99–100]. Встреча с творческим гением флорентийцев до сих пор способна вызвать глубокое переживание. Одно из самых знаменитых случилось со Стендалем в 1813 году. Посещение французским писателем базилики Санта-Кроче во Флоренции, где похоронены такие знаменитые флорентийцы, как Макиавелли, Галилей, Микеланджело и другие, вызвало у него ощущения, которые позже отразились в медицинском термине, известном как «синдром Стендаля». Речь идет о такой степени переживания от встречи с *genius loci*, с которой человек не способен справиться самостоятельно. Эта способность места трансформировать человека сохранилась до сих пор. Она представляется важной с точки зрения погружения студентов, получающих гуманитарное образование, в европейскую традицию. Город становится образовательным пространством, в котором случаются вспышки понимания, являющиеся результатом синтеза эмоционального переживания и интеллектуального вопрошания.

Огюста Родена называют единственным учеником Микеланджело Буонаротти, несмотря на то, что их разделяет во времени более четырех столетий. Флоренция, которую в конце XIX века посетил Роден, стала

местом, изменившим великого скульптора на всю оставшуюся жизнь. Встреча с *genius loci* Флоренции определила значительную часть творчества Родена, связав его с великими флорентийцами Данте Алигьери, Лоренцо Гиберти и самим Микеланджело. Врата Ада Родена, созданные по мотивам Божественной комедии Данте Алигьери, стали ответом на Врата Рая Лоренцо Гиберти, а центральная фигура композиции Мыслитель не уступает по монументальности самому Давиду. Пример Родена – одно из множества свидетельств того, как европейская традиция, поддерживаемая феноменом *genius loci*, формирует то, что мы сегодня называем гуманитарным образованием: реализацию индивидуальной возможности стать автором в широком смысле этого слова, обрести собственный язык выражения.

В конечном счете речь идет о современном городе, представляющем исключительный пример европейской традиции. Это не просто пример сохранения, исследования и актуализации наследия, превратившего Флоренцию в центр туристического паломничества; это пример того, как город способен концентрировать интеллектуальную энергию, до сих пор обладающую потенциалом к трансформации европейской культуры. Во многом это возможно благодаря тому, что город стал местом формирования интеллектуальных сообществ (наука и искусство, архитектура, поэзия и литература, скульптура, музыка и театр) – как синхронных, так и асинхронных, связанных одной интеллектуальной традицией. Флоренция представляет собой богатое поле, в котором, например, Божественная комедия Данте иллюстрировалась Сандро Боттичелли, Гюставом Доре, Огюстом Роденом и Сальвадором Дали. Другим примером может служить Платоновская академия в Каредже, где переводились и обсуждались тексты античных философов Марсилио Фечини, Козимо Медичи, Джованни Пиколелла Мирандола и Сандро Боттичелли.

Погружение студентов ЕГУ в европейскую традицию Флоренции дает им возможность сосредоточиться на совершенно разных сюжетах, которые затем ложатся в основу ряда учебных проектов. Среди них необходимо отметить попытку понять природу синдрома Стендаля. Студентам удалось взять интервью у исследователя этого феномена Грациэллы Магерини, которая первой обратила внимание на проявляющееся у ряда туристов во Флоренции специфически сильное переживание от произведений искусства, названное ею впоследствии синдромом Стендаля [6]. На это исследование студентов ссылалась ВВС, готовившая собственный репортаж об этом феномене [7]. Индивидуальные переживания студентами Флоренции были положены в основу театрального проекта, реализованного под руководством режиссера Александра Марченко в 2019 году. В этом же году студентами программы «Визуальный дизайн» был представлен проект, посвященный 500-летию смерти Леонардо да Винчи [8]. Проект 2022 года был посвящен поиску смыслов, которыми каждый из участников экспедиции попытался наполнить феномен *genius loci*. Результаты этих изысканий представлены на выставке, организованной в стенах университета [9].

17 мая 1898 года Рильке пишет в своем флорентийском дневнике: «Три поколения всегда идут друг другу на смену. Первое находит Бога, второе сооружает над Ним слишком тесные для Него своды храма, связывая Его оковами, а третье, оскудев, камень за камнем растаскивает Божий дом, чтобы кое-как построить из них жалкие хижинки. А потом приходит поколение, которому снова приходится искать Бога. К нему принадлежали Данте, Боттичелли и Фра Бартоломео» [10]. Хотелось бы верить, что тот идеализм, на котором построены попытки встречи молодого поколения людей с *genius loci* Флоренции, даст им энергию стать тем поколением, которому снова придется искать Бога в рамках европейской традиции.

Таким образом, можно говорить о феномене *genius loci* как о максимальном проявлении европейской традиции, которая обнаруживает себя, в первую очередь, в наследии, являющемся исключительным для понимания идеи «европейскости». Этот феномен обладает мощным потенциалом для образования, которое претендует на право называться гуманитарным, так как способствует формированию понимания того, кого предстоит превзойти в творческом плане, чтобы оставить свой след в этой традиции.

Использованная литература

- [1] Арндт, Ханна. Предисловие: Брешь между прошлым и будущим // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. Москва: Издательство Института Гайдара, 2014.
- [2] Кафка, Франц. Афоризмы, цитаты, высказывания // <https://www.kafka.ru/kafka.ru/aforismi/index/page:13> (22.07.2022).
- [3] Арндт, Ханна. Кризис образования // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. Москва: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 284–285.
- [4] Слотердайк, Петер. Правила для человеческого зоопарка. Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме // <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/> (22.07.2022).
- [5] Дживелегов, А. К. Данте Алигьери. Москва: Журнално-газетное объединение, 1933. 176 с.
- [6] ENU students interview Prof. Graziella Magherini on Stendhal Syndrome (2019) // <https://www.youtube.com/watch?v=cglv-OpqDbs> (22.07.2022).
- [7] Stendhal syndrome: The travel syndrome that causes panic // <https://www.bbc.com/travel/article/20220110-stendhal-syndrome-the-travel-syndrome-that-causes-panic> (11.01.2022).
- [8] Леонардо да Винчи: 500 лет со дня смерти // https://issuu.com/ehu1992/docs/leonardo_da_vinchi_compressed__1__c (29.04.2019).
- [9] Открытие выставки GENIUS LOCI. FIRENZE // <https://ru.ehu.lt/sobytiya/exhibition-firenze> (15.06.2022).
- [10] Рильке, Райнер. Флорентийский дневник // https://royallib.com/read/rilke_rayner/florentiyskiy_dnevnik.html#40960 (22.07.2022).
- [11] Беньямин, Вальтер. Историко-философские тезисы (1940). Пер с нем. В. Биленкина // <http://left.ru/2001/7/benjamin.html> (22.07.2022).